

Создание нового чувашского алфавита и первых учебных книг

Учась в гимназии, И. Я. Яковлев приступает к созданию школы прообразу будущего педагогического училища, в университете создает новый чувашский алфавит, составляет и издает на нем ряд учебных книг, включая букварь. Его стремления, желания удивительно сочетаются с потребностями общества, народа. 26 марта 1870 г. министров были утверждены "Правила об образовании инородцев, населяющие Россию", которые обязывали обучать детей национальных меньшинств в начальной школе на их родном языке. И для этого намечались определенные меры: подготовка учителей из среды самих же инородцев, составление школьных учебников и т. д. И. Я. Яковлев в 1870 г., по поступлении в университет, приступает к составлению алфавита чувашского языка и завершает его к концу 1871 г. Это был большой научный подвиг студента. Чувашский язык стал средством просвещения народа, развития национальной культуры.

Ко времени поступления Яковлева в университет в просвещении нерусских народов Поволжья использовалась система, разработанная видным ученым-ориенталистом, педагогом-миссионером Н. И. Ильминским. Он явился инициатором и организатором Казанской крещенотатарской школы и так называемых братских школ, которых в 1870 г. среди чувашей, марийцев и удмуртов насчитывалось более сорока. С целью насаждения христианства и усиления борьбы против влияния магометанства на народы Поволжья процесс обучения в этих школах осуществлялся на родном языке.

По воспоминаниям А. Рекеева, первая встреча И. Я. Яковлева с Н. И. Ильминским состоялась в июле 1870 г., когда Яковлев приехал в Казань для представления документов в университет. В начале сентября 1870 г. он побывал в крещенотатарской школе, затем лично навестил ее основателя. В 1867 г. Н. И. Ильминский читал рецензию Яковлева на книгу Н. И. Золотницкого "Солдалык кнеге", опубликованную в "Симбирских губернских ведомостях" (13 апреля 1867 г.). Об этой встрече с Яковлевым Н. И. Ильминский писал: "В первый раз он пришел ко мне утром часов в 11, как будто с визитом. Мы поговорили с ним недолго; разговор коснулся крещенотатарской школы, я пригласил его к 5 часам того же дня, - дело было в субботу, - в крещенотатарскую школу ко всеобщей. Мы были там вместе, явились в школу раньше начала службы, так что Яковлев успел познакомиться с священником Тимофеевым; потом отстояли всю всеобщую, потом Яковлев еще долго беседовал с о. Василием. Школа и церковная служба на инородческом языке и вид учащихся инородцев, сознательно и душевно и, так сказать, весело и любовно внимавших богослужению и исполнявших его на своем родном языке, все это произвело на Яковлева сильное и глубокое впечатление и раздумье - поворот в его инородческо - образовательных воззрениях... Вот когда собственно Яковлев убедился в пользе и необходимости родного языка в образовании инородцев и пожелал применить со временем этот способ в своей Симбирской школе". До встречи с Н. И. Ильминским в вопросах просвещения национальных меньшинств, приобщения их к русской культуре студент Яковлев находился под влиянием Баратынского. Последний не разделял педагогических взглядов Ильминского, называл его "шарлатаном". Встречи с Н. И. Ильминским, знакомство с заведующим школой В. Т. Тимофеевым произвели на Яковлева большое впечатление.

Несомненно под живым впечатлением от деятельности Н. И. Ильминского и его крещенотатарской школы взгляды Яковлева на просвещение родного народа во многом изменились. Несколько позднее он писал: "В описываемое время (1870 г. до встречи с Ильминским. - Н. К.) А. И. Баратынский и я смотрели на систему инородческого

просвещения, как и большинство людей, глубоко не вникающих в сущность просветительского дела в нашем крае. Нам представлялось необходимым все дело школьного образования исключительно вести через русский язык и по русским книгам: чувашский язык по тогдашним нашим представлениям не должен был ни под каким видом допускаться среди учеников, так как он не в состоянии выражать тех мыслей, чувств и понятий, какие должны быть сообщены школьникам, тем более нельзя допустить книги на родном языке, а переводы Священного писания и церковно-богослужебных книг мы считали совершенно невозможными. Так категорически и безапелляционно мы решали эти вопросы, хотя ни А. И. Баратынский, ни я в школе чувашским языком, как педагогическим орудием просвещения, не пользовались, переводами вообще и церковно-богослужебных книг в частности никогда не занимались и в этом деле ровно ничего не понимали, а смотрели на дело с априорной точки зрения".

После знакомства с Ильминским, чтобы чаще встречаться с ним, студент Яковлев находит квартиру вблизи его дома. Как и многие другие иногородние, он снимал частную квартиру за высокую плату. В 1870-1871 году он квартировал вместе с Н. Соколовым и А. Панаевым. После исключения их за невзнос платы за обучение Яковлев жил вместе с чувашским крестьянином Игнатием Ивановым и с другими студентами недалеко от университета. В конце мая 1871 г. он перешел в другую квартиру, найденную для него женой проф. Н. И. Ильминского.

Н. И. Ильминский стоял во главе Казанской "инородческой" учительской семинарии со времени ее основания и до конца 1891 г.

Под руководством Ильминского выпускники Самарского духовного училища В. В. Васильев и ученик Казанской крещенотатарской школы С. Н. Тимрясов, хорошо владевшие чувашским и татарским языками, переводили на чувашский язык религиозные книги, которые должны были использоваться как учебные пособия в братских школах. В начале сентября 1870 г. к ним присоединяется студент Иван Яковлев он предлагает составить новый чувашский алфавит.

Еще в 1867 г. в своей рецензии на книгу Н. И. Золотницкого "Солдалык кнеге" Яковлев предложил усовершенствовать его алфавит путем введения особых знаков для обозначения специфических звуков чувашского языка. Ильминский читал эту рецензию и полностью разделял мнение рецензента. Поэтому сейчас идея Яковлева нашла поддержку со стороны профессора. И с 1870/71 учебного года для Яковлева местом изучения фонетики тюркских языков становится квартира Н. И. Ильминского. Здесь и зарождается конкретный план просвещения родного народа, создания нового чувашского алфавита, первого букваря.

О значении этих встреч с ученым И. Я. Яковлев впоследствии рассказывал: "Я по его приглашению стал часто ходить к нему запросто, и в течение первых четырех месяцев нашего знакомства был я у него на собеседованиях с глазу на глаз, по крайней мере 30 раз, причем я приходил с раннего вечера, уходя иногда тогда, когда уже светало и звонили церкви Богоявления к обедне..."

В конце концов Ильминский убедил меня в том, что в основу образования родных мне чувашей должен быть положен не русский, " родной их язык, что это правило должно применяться вообще ко всем инородцам".

До встречи с Ильминским просветительская деятельность Яковлева ограничивалась в основном подготовкой в частной школе сделанных чувашских юношей к поступлению в

учебные заведения, чтобы они впоследствии стали проводниками просвещения в массы народа. Эти учителя должны были составить ядро интеллигентной силы в деревне и распространять знания среди населения. Однако Ильминский с первой же встречи стал доказывать студенту Яковлеву, что надо стремиться к просвещению не отдельных представителей, а всей массы чувашского народа. "Возиться" же, как он говорил, с отдельными личностями - "значит разменяться на мелочи, и в сущности, не принести пользы всему народу". Не будем забывать, что Ильминский был крупный ученый, тюрколог, но его педагогическая, просветительская деятельность была направлена на укрепление православия среди нерусских народностей. Миссионерские школы он создавал при поддержке синода и одного из реакционнейших министров просвещения Д. А. Толстого. Конечно, свои педагогические и идеологические позиции он старался передать и Яковлеву.

Найдя поддержку со стороны Ильминского и его сподвижников, Яковлев задумался над тем, как превратить частную школу в национальную. Для этого необходимо было создать доступный народу алфавит, подготовить учителей и переводчиков учебной литературы из среды самих же чувашей, составить буквари и другие учебные пособия. В помощники к себе Яковлев привлекает Игнатия Иванова, Т. П. Петрова, учеников своей школы, они занимаются переводами, изучают особенности чувашского языка, собирают материалы устного народного творчества и т. д. Осенью 1870 г. под непосредственным научным руководством Ильминского началось составление нового чувашского алфавита.

О своих занятиях с Яковлевым Н. И. Ильминский писал: "Такие бессонные ночи, по моему образу жизни совершенно необычные, которые, однако, не только проходили для меня не обременительно, но как бы пролетали незаметно, я теперь ничем не могу объяснить, как живым интересом Яковлева к образованию своих родных чуваш, многосодержательностью и жизненностью его натуры, которая возбуждала и

вдохновляла и мои увядавшие силы. Теперь я не могу вообразить, о чем мог длиться разговор без остановки по восьми и более часов кряду. Конечно, говорилось постоянно об инородческом образовании и необходимости родного языка в образовании каждого инородческого племени".

Частые встречи привели, однако, и к другому результату, а именно сильному религиозному влиянию Ильминского на студента. Ильминский убеждает Яковлева, что чуваша должны позаимствовать у русских и религию, и алфавит. Он познакомил Яковлева с трудами академиков О. Н. Бетлинга, А. А. Шифнера, Ф. И. Видемана и других ученых которые для обозначения разноязычных звуков успешно использовали русский алфавит. Особенно глубоко изучал студент Яковлев "Собрание грамматики черемисского языка" Ф. И. Видемана, "Язык якутов" О. Н. Бетлинга. Несомненно, Ильминский передал И. Я. Яковлеву свой опыт по составлению татарского алфавита на основе русской графики. В это время Яковлев был студентом физико-математического факультета. В течение первого же года обучения в университете Яковлеву приходилось сочетать филологические исследования с изучением математических наук. Итогом 1870/71 учебного года явилось то, что он вместе со своим русским другом по университету В. А. Белилиным, под руководством Н. И. Ильминского и при содействии профессора в Г. С. Саблукова, И. Н. Булича и других составил первый вариант чувашского алфавита, состоявшего из 47 букв.

За это время Яковлев с помощью учеников своей школы в Симбирске и прежде всего А. Рекеева, а также Игнатия Иванова и С. Тимрясова сделал несколько переводов религиозных книг с татарского и русского языков на чувашский. Предстояла работа по

составлению первого чувашского букваря, над которым И. Я. Яковлев усиленно работал в период летних каникул в Симбирске. В этой работе принимал участие В. А. Белилин, Игнатий Иванов, Т. П. Петров и ученики Симбирской чувашской школы. Все они в Буинском уезде собирали для будущего букваря образцы устного народного творчества.

К осени 1871 г. завершилась работа по составлению первого варианта букваря, а 15 ноября совет братства св. Гурия допустил его к печати. В январе 1872 г. он вышел в свет под названием в такой транскрипции: "Тъваш адизине сырьва вьренмелли кнеге" в объеме 56 страниц с разделами: 1) предисловие, 2) азбука, изложенная по звуковому способу, и примеры для упражнения в чтении, 3) краткие нравоучения, обращение к начинающему учиться грамоте, 4) молитвы и 5) приложение. В предисловии подчеркивается, что "Букварь предназначен к употреблению в чувашских школах как учебное руководство для чувашских детей и составлен согласно Правил 26 марта 1870 г. о первоначальном обучении инородцев - пользоваться живыми наречиями инородцев как орудием для распространения христианского просвещения обрусения их". Особенностью этого букваря является то, что все упражнения для чтения составлены по звуковому методу, введенному в школьную практику России передовыми русскими педагогами, в то время как во многих нерусских школах Поволжья господствовал устаревший метод обучения грамоте - буквослагательный.

Для составления букваря Яковлев использовал чувашские поговорки, пословицы. Например, такие: "Ёмёр пура́н, ёмёр вёрен" (век живи, век учись), "Пёр а́с аван, икё а́с тата аванарах" (один ум хорошо, а два - лучше), "Вёренме тыта́нни йу́сё, вёренни тутла́" (начало ученья горькое, результат ученья вкусен - буквальный перевод). По мнению Яковлева, народная мудрость, образцы устной словесности родного народа должны были стать предметом изучения для учащихся, чтобы вызвать в них любовь к родному слову, выработать с раннего детства терпеливое, серьезное отношение к учению, к жизни вообще. Большой интерес представляет третий раздел букваря с краткими нравоучениями и правилами для начинающих учиться грамоте. В нем есть и бытовые правила, отражающие бедность и нищету чувашских крестьян: "Тумтире тирпейлё тыт, ан сур: сурак сёр пулсан сёле; ша́так пулсан сапла ; ху япалуна ху ту́рлетме ан в́атан, - в́ал хурла́х ёс мар" (С одеждой обращайся аккуратно, не рви: если порвал, зашивай сам, поставь заплатку, чинить свои вещи не стесняйся, и это не должно быть зазорно) (стр. 24). Здесь чувашский текст приводится в соответствии с современным нормами литературного языка.

Далее следуют правила для трудового обучения в крестьянской семье. Воспитание в труде и для труда предполагало выработку соответствующих норм поведения детей. Как в семье, так и вне ее они обязаны были придерживаться следующих правил: "Чем шляться на улице, лучше работай дома.

При ходьбе соблюдай осанку, шагай прямо. При встрече старших кланяйся. Не шали и там, где нет твоих родителей. Куда бы тебя ни посылали по делу, возвращайся быстрее.

Не находишься среди безнравственных людей и не слушай их ругательские слова.

Всюду будь честным, если лжешь, тебе перестанут верить" (стр. 25).

Наконец, о значении книги для начинающего учиться грамоте о наставлениях всем тем, кто впервые читает ее: "Прежде чем прочитать книгу, постарайся понять, о чем говорится в ней. Книга является другом в жизни. Ее слова также ценны, как и советы

умного человека. Ты всегда не можешь быть рядом с умным человеком, но книга постоянно должна находиться с тобой" (стр. 25).

В букваре, как и в русских учебниках, значительное место занимает религиозная часть, содержащая молитвы и рассказы из Священного писания.

В приложениях даны понятия о простом и високосном годах названиях дней недели, месяцев и описание их происхождения, имен; числительные, таблица умножения и рукописный алфавит.

Первый чувашский букварь, составленный на основе низового диалекта (родного края И. Я. Яковлева), не был букварем в обычном смысле этого слова. Он предназначался не только для обучения основам грамоты, но и для привития самых необходимых в крестьянской жизни норм поведения. Как первая народная книга, он отражал многие стороны духовной жизни чувашей: их быт и нравы, образцы устной словесности, религию и т. д.

Однако первый вариант алфавита имел существенный недостаток и потому не получил широкого признания среди учителей.

Наличие в букваре множества букв со "щетинами" наверху (мягкость звуков обозначалась черточкой над буквами) затрудняло усвоение алфавита. Поэтому Яковлев вместе со своими единомышленниками в том же году усовершенствовал алфавит, оставив в нем только 27 букв. На нем в том же году (1872) были изданы литографическим способом "Букварь для чуваш" и перевод книги с татарского языка "Начальное учение православной христианской веры", которые положили начало зарождению чувашского литературного языка.

Этот букварь, по сравнению с первым, был признан наиболее удачным, доступным по языку и потому получил распространение в школах Казанского учебного округа, что не могло не радовать Яковлева.

В 1872 г. Министерство народного просвещения ввело его в чувашские школы, и с этого времени он стал обязательным учебником, вытеснив "Чуваш кнеге", "Солдалык кнеге" Н. И. Золотницкого. В отчете попечителя Казанского учебного округа за 1872 г. было подчеркнуто: "В чувашских школах введен составленный Яковлевым букварь, который приносит большую пользу ученикам-чувашам на первых годах обучения".

В этом букваре И. Я. Яковлев поместил не только чувашские пословицы, но и свои рассказы о природе, о жизни крестьянских детей. По сравнению с первым букварем тексты религиозного содержания здесь занимают незначительное место, так как в центр внимания ставилась задача умственного и нравственного развития детей на доступном и понятном для них материале из реальной жизни.

Придав такое значение букварю, Яковлев стремился вывести чувашскую школу на новый путь, связать ее с условиями жизни. В этот период, когда складывались капиталистические отношения, развивались торговля, денежная рента, распадалось натуральное хозяйство, от крестьян требовалось знание русского языка. Необходимы были учебники для первоначального изучения русского языка. Учитывая это; в 1873 г. Яковлев сначала усовершенствовал чувашский алфавит, максимально приблизив его к русскому. Он оставил 25 букв, а для обозначения специфических звуков чувашского языка еще раньше ввел *ç*, *ÿ*, теперь же добавил *ă*, *ě*, заимствованные из немецкой

транскрипции. По словам Н. И. Ильминского, "на этом и остановился чувашский алфавит Яковлева". Это означало, что алфавит с 25 буквами оказался окончательным. Он продолжает жить и поныне и вошел в историю как "Алфавит Яковлева". После Октябрьской революции он подвергся незначительному изменению.

Усовершенствованный алфавит стал основой "Букваря для чуваш с присоединением русской азбуки", который Яковлев составил и выпустил в том же 1873 г. Эта книга явилась главным учебником для изучения не только чувашского, но и русского языков. В этом заключается ценность всех букварей И. Я. Яковлева, которые с 1873 г. издавались с чувашской и русской частями и сыграли большую роль в приобщении чувашей к русской культуре.

Окончательный вариант алфавита и букварь 1873 г. были составлены без участия В. А. Белилина. Еще в конце 1872 г. между ними произошло некоторое расхождение во взглядах, в частности, по вопросу о переводах на чувашский язык. Белилин хотел переводить на чувашский язык произведения прежде всего классиков русской литературы. Начало же переводческой деятельности Яковлева было связано с переводами религиозной литературы. Это оправдывалось тем, что братство св. Гурия, печатавшее переводы на чувашский язык, выплачивало гонорары только за издание религиозных книг и букварей. В год учебы в университете Яковлев за издательско-переводческую деятельность получил около 2 тысяч рублей. Эта сумма была целиком использована для нужд Симбирской чувашской школы. Трудное материальное положение школы вынуждало Яковлева на время отказаться от увлечения филологией. Но по мере возможности он переводил отдельные рассказы русских и зарубежных писателей и помещал их в чувашских букварях, издаваемых в Казани. Так, в букваре 1875 г. мы находим "Крестьянин и лошадь" Л. Толстого, "Волк и старуха" Эзопа, индийскую басню "Дойная корова" и другие.

К началу 1873 г. И. Я. Яковлев накопил достаточно опыта по переводу и составлению учебных книг для чувашских школ. Он считался знатоком чувашской культуры и ее истории. По рекомендации Ильминского с ним советовались приезжавшие в Казань иностранные ученые, исследовавшие жизнь и быт народов Поволжья. В 1874 г. французский этнограф и путешественник Альфонс Пинар приехал в Казанский край с целью изучения культуры чувашей и мордвы. В Казани он встретился с учащимися "инородческой" учительской семинарии Н. И. Заболотницким и И. Я. Яковлевым. Пинар проявил особый интерес к чувашской школе в Симбирске и только что изданным букварям Яковлева. К удивлению французского этнографа, он стал свидетелем зарождения новой чувашской письменности, тогда как во время путешествия по Поволжью слышал обратное: об отсутствии письменности у нерусских народов-христиан Поволжья.

Создание письменности имело большое общественно-политическое значение в дальнейшей жизни чувашского народа, способствовало росту его международного авторитета. Зарубежные ученые, привыкшие характеризовать чувашскую культуру поговоркой периода Золотой Орды - чувашскую книгу корова съела, - просили выслать им возрожденную чувашскую книгу. Считавшийся до этого "бедным" чувашский язык, благодаря неутомимой деятельности И. Я. Яковлева и всесторонней помощи Н. И. Ильминского и других русских ученых в начале 70-х годов XIX в. стал орудием школьного обучения и церковной проповеди. По признанию широкой общественности, составлений нового алфавита и незамедлительное издание на нем двуязычных букварей с чувашским и русским отделами произвели переворот в деятельности чувашской школы.

Начальную школу И. Я. Яковлев считал главным звеном в культурной жизни народа. В условиях многонациональной России двуязычная национальная школа призвана была решать многие социально-политические задачи, прежде всего приобщать молодое поколение к культуре русского и других народов, всемерно сближать их. Для этого необходимо было обучать в школе русскому (государственному) языку. Именно такие задачи выделил Яковлев в своей программе развития чувашского просвещения, составленной в декабре 1870 г., для представления министру народного просвещения Д. А. Толстому.

И. Я. Яковлев - первый из чувашей, кто помогал государству в распространении русско-православного просвещения среди своих сородичей. Эта помощь была принята незамедлительно. В январе 1871 г. Министерство народного просвещения признало его школу и приняло на свой бюджет; в 1872 г. оно одобрило создание нового алфавита, а изданные на нем учебники рекомендовало использовать в школах. Прогрессивная часть учительства приветствовала появление чувашских букварей и перевод религиозных произведений, служивших учебными пособиями. Иным было отношение духовенства и дворянства, они встретили в штыки издание чувашских книг. Одни видели в них языковые "несовершенства", другие - проявление "сепаратизма" и т. д. Однако дальнейшая судьба чувашской письменности зависела не от них, а от народа, с радостью воспринявшего ее как средство развития своей культуры.

Краснов, Н. Г. Создание нового чувашского алфавита и первых учебных книг / Н. Г. Краснов // Иван Яковлев – выдающийся чувашский просветитель-педагог. – Уфа, 1998. – С. 30 – 39.